

*...И еще привычка
Говорить с тобою,
Спор да перекличка
Памяти с судьбою.
Арсений Тарковский*

Нашей последней совместной работой с Гиларием Валерьевичем Беляевым была концертная программа «Преображение», посвящённая жизни и творчеству выдающегося поэта XX века Арсения Александровича Тарковского. Режиссёром выступил Сергей Николаевич Куранов, музыкальное оформление в исполнении камерного ансамбля «Симфониатта» осуществил Гиларий Валерьевич. Премьера прошла 20 марта 2000 года в Мраморном зале Самарского художественного музея. Лучшей «декорацией» послужили портреты старых художников, на которых запечатлены лица людей давно минувших эпох. Во время исполнения возникло невероятное ощущение причастности к прошедшим здесь столетиям, неразрывной духовной связи с ними.

Название программы пришло ко мне сразу, едва обратилась к биографическому материалу об Арсении Тарковском. В младенчестве он был крещен в Преображенской церкви (25 июля 1907 года), а после его смерти – 27 мая 1989 года – перед тем, как предать тело поэта земле на Переделкинском кладбище, его отпевали в храме Преображения, и в этой закольцованности состоялось логическое завершение земного пути Тарковского.

Без любви жизнь человека не имеет никакого смысла. Любви – не только к женщине, но и к своей Родине, к родной земле. Эти святые понятия тоже женского рода. За эти святости и воевал Тарковский, уйдя на фронт добровольцем в качестве военного корреспондента. Был награждён боевым орденом Красной звезды, получил тяжёлое ранение с ампутацией левой ноги (1943 год), перенёс несколько операций. И только в Москве, в январе 1944 года, профессору Вешневскому после очередной сложнейшей операции удалось остановить газовую гангрену. После прожитого на фронте и мучений в госпиталях Тарковский написал:

*Я снова пойду за Великие Луки,
Чтоб снова мне крестные муки принять...*

Вернувшись «после неслыханной бойни» искалеченным, но живым, гвардии капитан Арсений Тарковский найдёт в себе силы и мужество

жить дальше с верой в своё предназначение поэта, хотя первый сборник стихов – «Перед снегом» – выйдет в свет только в 1962 году, когда Тарковскому будет уже 55 лет. В предисловии к этой книге Анна Ахматова назовёт его «драгоценным подарком читателям». А несколько раньше – в 1946 году – его первая книга стихов, утверждённая и подготовленная к печати, была уничтожена, она так и не явилась на свет. Это оказалось связано с постановлением ЦК ВКПб о журналах «Звезда» и «Ленинград».

В мае 2005 года Наталия Ивановна Коршикова, с которой меня связывает многолетняя дружба, порекомендовала мои концертные программы директору туристического теплохода «Семён Будённый». Меня пригласили поехать с выступлениями по Волге. Восстановив несколько прежних программ, в первом выступлении объединила произведения двух любимых мною авторов: Константина Симонова и Арсения Тарковского. После окончания концерта ко мне подошёл пожилой человек невысокого роста и представился: «Полковник в отставке Рэм Алексеевич Максимов», – и рассказал, что стихи и прозу Симонова он читал, а вот стихи Тарковского услышал впервые, и они его потрясли. Бывший солдат, в дальнейшем кадровый офицер, не смог удержаться от слёз, услышав слова: «Я снова пойду за Великие Луки...»

– Я тоже принимал участие в боях за Великие Луки. После первого боя получил свою первую боевую награду. Мне было тогда восемнадцать, бой – крошечный ад. Сколько лет прошло... стихами Тарковского, вы напомнили мне Великие Луки...»

Сборник стихов Арсения Тарковского «Волшебные горы» мне подарила в ноябре 2000 года дочь поэта Марина Арсеньевна Тарковская, автор книги «Осколки зеркала», оставившая на его книге такую строчку: «Дорогой Ире с благодарностью за её исполнение стихов папы. Марина Тарковская, Москва, Музей кино 29.XI.2000 г.» Жаль, что книга «Осколки зеркала» была издана значительно позже выхода нашей программы «Преображение» и я не имела возможности воспользоваться материалом Марины Арсеньевны – неизвестными мне ранее фактами из жизни поэта, открытием адресатов его лирики, подробностями биографии.

Стихи Арсения Тарковского о любви меньше всего можно назвать лирикой, столько в них глубоких и мучительных переживаний, горьких воспоминаний и предчувствий, а по прошествии многих лет осознания того, что многое в жизни происходит волею судьбы, и не в нашей власти изменить ход жизненных событий. «Когда судьба по следу шла за нами, / как сумасшедший с бритвою в руке», – напишет он позднее.

Долгие годы героиня стихотворения «Первое свидания» оставалась неизвестной как для читателей, так и для ближнего окружения поэта. В фильме «Зеркало» сын поэта Андрей Тарковский адресовал «Первые свидания» своей матери, первой жене Арсения Тарковского Марии Ивановне Вишняковой. По словам кинорежиссёра Вячеслава Амироханяна (автора фильмов об Арсении Тарковском «Посредине мира» и «Малютка-жизнь»), поэт сообщил ему, что «Первые свидания» посвящены М.Г.Ф., назвав лишь инициалы. И только дочери поэта, писательнице Марине Арсеньевне Тарковской после смерти своего отца удалось открыть имя этой женщины – Марии Густавовны Фальц. Марина Арсеньевна посетила родной город отца Кировоград (бывший Елисаветград), где прошли детство и юность поэта. О своих поисках и открытиях она впоследствии рассказала в своей замечательной книге «Осколки зеркала».

Многие главы этой книги, особенно запавшие мне в душу, я читала и перечитывала неоднократно. В Кировограде помнили Марию Густавовну Фальц. Она была старше Тарковского и его друзей. Ровно три дня была замужем за офицером по фамилии Колобов, который участвовал в войне 1914 года, затем – в Гражданской на стороне белых. Мария Густавовна не знала, что с ним случилось. Не имея никаких вестей, она всё-таки надеялась, что он не погиб, а уехал в эмиграцию.

Мария Фальц была хороша собой, умна, образованна, прекрасно играла на рояле, хорошо знала и любила поэзию. И при всём том, её отличали полная неприиспособленность к жизни, незащищённость и непрактичность. У неё в доме собиралась молодёжь, читали стихи свои и чужие, слушали её игру на рояле (любила Шопена); гости острили, валяли дурака, рисовали дружеские шаржи. И все были влюблены в хозяйку. Она – выбрала Тарковского.

В 1925 году Арсений переехал в Москву и поступил на Высшие литературные курсы. В декабре 1926 года во время зимних каникул он посетил Ленинград. В Ленинграде он увиделся с Марией Фальц, но эта встреча была нерадостной. Мария Густавовна предложила ему расстаться навсегда. 27 мая 1927 года Арсений напишет ей:

Погоди, погоди!
Ты ведь знаешь сама:
Это всё не для нас –
Петербург и зима,
Та высокая молодость на островах,
И ночные рассказы о крепких делах.
За метелью костры, за кострами Нева.
Ой, шальная, шальная моя голова,
Ой, широкие сани под шитым ковром,
Бубенцы и цыганские ночи вдвоём!

Только мне и осталась, что память одна,
Только черная память в стакане вина,
Да горячие песни о злобе моей,
Да весёлые письма далёких друзей,
Даже сонная боль пережитого дня,
Даже имя твоё покидает меня.

Мария Фальц умерла от скоротечной чахотки 5 августа 1932 года, о её смерти Тарковскому сообщила её сестра. В эпиграфе к стихотворению «Стол накрыт на шестерых» прямой указатель. Тарковский упоминает город Славянск (в Донецкой области), куда смертельно больная Мария Фальц уехала к своей сестре Елене. Именно из Славянска Тарковский получил сообщение о смерти Марии, в письме, написанном карандашом. Хранил он это письмо и, боясь, что карандаш сотрётся, 8 февраля 1937 года переписал его своей рукой чернилами. А в 1940-м году он напишет стихотворение, словно мистическое послание или эпитафия, вызывающие в памяти ушедшие образы дорогих ему людей: отца, брата и Марии Фальц.

Меловой да соляной
Твой Славянск родной
Надоело быть одной –
Посиди со мной...

Стол накрыт на шестерых,
Розы да хрусталь,
А среди гостей моих
Горе да печаль.

И со мною мой отец,
И со мною брат.
Час проходит. Наконец –
У дверей стучат...

...Улыбнётся мне отец,
Брат нальёт вина,
Даст мне руку без колец,
Скажет мне она:

– Каблучки мои в пыли,
Выцвела коса,

И поют из-под земли
Наши голоса.

На это стихотворение Тарковского откликнулась Мария Ивановна Цветаева, с каким-то горьким и даже отчаянным упрёком предсказав в одном из последних своих стихотворений и свою скорую смерть 31 августа 1941 года в Елабуге. Но этому выкрику отчаяния, срыву, выплеску в стихотворении предшествовали записи Цветаевой в ее записной книжке «О себе»: «Меня все считают мужественной. Я же не знаю человека робче, чем я. Глаз черноты, шага, а больше всего – себя, своей головы, если эта голова так преданно мне служащая в тетради и так убивающая меня в жизни. Никто не видит, никто не знает, что я год уже (приблизительно) ищу глазами крюк...» (запись 5 сентября 1940 года).

27 августа предыдущего года была арестована дочь Марины Цветаевой – Ариадна Эфрон, Аля. А 10 октября – муж Марины – Сергей Яковлевич Эфрон. Вот с этого времени она и начала искать глазами крюк. Со времени этих двух разлучений. Сначала увели дочь – в тюрьму, в лагерь и в ссылку. Потом увели мужа – на казнь.

Марина Цветаева: «Я год примеряю смерть. Всё уродливо и страшно. Проглотить мерзость, прыгнуть враждебность, исконная отвратительность воды. Я не хочу пугать (посмертно), мне кажется, что я себя уже посмертно – боюсь. Я не хочу умереть, я не хочу быть. Вздор. Пока я нужна... но, Господи, как я мала, как я ничего не могу. Доживать – дожевывать. Горькую полынь»:

Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
– «Я стол накрыл на шестерых...»
Ты одного забыл – седьмого.
Невесело вам вшестером.
На лицах – дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть – седьмую...

Летом 1941 года Тарковский вместе с писателями Москвы проходил военную подготовку. 16 октября 1941 год он прибыл в Чистополь Татарской ССР, куда эвакуировался Союз писателей и куда позднее прибудет Борис Леонидович Пастернак. В октябре-ноябре Тарковский создавал цикл стихов «Чистопольская тетрадь». Каждая строчка этих стихов кричала о трагедии, случившейся с Мариной Цветаевой. 31 августа 1941 года Тарковский находится в Елабуге. Арсений Александрович писал многочисленные заявления с просьбой отправить его на фронт. И лишь в конце декабря он получил назначение в действующую армию...

...И вот теперь, когда я пишу, вспоминая стихи Тарковского и Цветаевой, Нестерова и нашу программу с Гиларием Валерьевичем, когда за окном ветер срывает с деревьев последнюю листву, а дождливый серый день погружает в настроение грешного уныния, с горькими мыслями о том, что всё в этой жизни проходит и сама наша жизнь так быстротечна, в памяти моей опять оживают «высокие дантовские» стихи поэта Арсения Тарковского. «В последний месяц осени».

В этих стихах, мне кажется, особенно важен внезапный момент преобразования в природе, и тут случилось чудо, влияющее на воображение потухшего духа «на склоне горчайшей жизни» поэта, способствующего рождению новых потрясающих поэтических образов и сравнений.

...И повели синицы хоровод,
Как будто руки по клавиатуре
Шли от земли до самых верхних нот.

Неожиданно для себя я вспомнила, как во время репетиции ради сокращения метража программы я предложила исключить это стихотворение, но Гиларий Валерьевич сразу же возразил: «Нет, Ира, сократи

что-нибудь из прозы, а это стихотворение оставь. Оно полно глубокого философского смысла и к тому же даёт нам ключ к открытию крышки рояля – к переходу на фортепьянную музыку».

Вот это несокращённое стихотворение Тарковского:

В последний месяц осени, на склоне
Горчайшей жизни,
Исполненный печали, я вошёл
В безлиственный и безымянный лес.
Он был по край омыт молочно-белым
Стеклом тумана. По седым ветвям
Стекали слёзы чистые, какими
Одни деревья плачут накануне
Всеобесцвечивающей зимы.
И тут случилось чудо: на закате
Забрезжила из тучи синева,
И яркий луч пробился, как в июне,
Как птичьей песни лёгкое копьё,
Из дней грядущих в прошлое моё.
И плакали деревья накануне
Благих трудов и праздничных щедрот
Счастливых бурь, клубящихся в лазури,
И повели синицы хоровод,
Как будто руки по клавиатуре
Шли от земли до самых верхних нот.

...И вот прошло уже 20 с лишним лет. Гиларий Валерьевич Беляев давно обитает в мире ином, в другой жизни. А я верю, как сказал однажды Арсений Александрович Тарковский:

...На свете смерти нет:
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идёт бессмертье косяком.

С такой же убежденностью сын поэта – известный кинорежиссёр Андрей Тарковский в анкете на вопрос: «Ваша основная черта характера?» – ответил: «Абсолютная вера в бессмертие человеческой души».

За эти годы я много раз видела Гилария Валерьевича во сне. И мне кажется, что он и оттуда, из другой вечной жизни, продолжает помогать мне и поддерживать по-отечески, протягивает из-за облаков свою добрую сильную руку. И это отзывается во мне собственными стихами, которые заканчиваются такими строчками:

...Вот музыки смолкают звуки.
Встаёт маэстро на поклон...
К нему протягиваю руки,
Внезапно понимаю – сон!
А в жизни было всё иначе...
С тех пор прошло немало лет,
Но почему, проснувшись, плачу,
Когда за окнами рассвет.

Всё однажды заканчивается. И рассвет за окнами. И жизнь. И искусство. Но только память продолжает напоминать нам об ушедших людях. А также оставленные нам замечательные, незабываемые стихи...